

ЖЕНИХ ПОД КОНВОЕМ

Девяносто лет назад, 5 декабря 1906 года, в вечернем выпуске петербургских «Биржевых ведомостей» появился самый первый гриновский рассказ. Назывался он «В Италию» и был подписан инициалами: «А.А.М-ов».

Что это? Мистификация автора, чья безудержная фантазия принесет ему со временем широчайшее признание? Не совсем. Инициалы взяты не с потолка, за ними скрывался реальный человек, некто Алексей Алексеевич Мальгинов, почетный вятский гражданин, к тому времени, правда, уже почивший в бозе. Но паспорт его продолжал жить и в течение долгих четырех лет удостоверял личность того, кто войдет в историю литературы под именем Александра Грина.

В рассказе действует сбежавший из тюрьмы арестант, и это тоже не плод фантазии. Во всяком случае, когда 26-летний сын вятского сапожника Александр Гриневский писал свое первое произведение, он числился в политических неблагонадежных, дважды арестовывался за революционную деятельность (от которой впоследствии отошел), приговаривался к ссылке, бежал из-под стражи и теперь жил в столице по чужому паспорту.

Впоследствии главным событием тех лет Грин называет встречу с Верой Павловной Абрамовой, дочерью уважаемого петербургского чиновника. Закончив с золотой медалью гимназию, а после Высшие женские курсы, физико-математическое отделение (Грин со своими четырьмя классами выглядел рядом с ней неучем), Верочка преподавала в разных учебных заведениях и одновременно работала на общественных началах в «Красном Кресте», организации, которая помогала осужденным и тем, кто в ожидании суда томился в тюрьмах.

«Кроме обычных обязанностей, — вспоминала впоследствии Вера Павловна, — у меня была еще одна: я должна была называть себя «невестой» тех заключенных, у которых не было ни родных, ни знакомых в Петербурге. Это давало мне право ходить на свидания, поддерживать их, исполнять поручения». Короче говоря, по аналогии с тем, что именуется ныне фиктивным браком, пикантную ситуацию эту можно назвать фиктивной помолвкой.

Будучи арестованным в начале 1906 года за злостное нарушение паспортного режима, Грин (будущий Грин, а тогда еще Гриневский) сидел в Выборгской тюрьме, в одиночной камере, и никто, кроме сводной сестры, которой предстояло вскоре покинуть Петербург, его не навещал. Тогда-то и появилась в его жизни милостивая подвизница Верочка Абрамова.

«Я начала хлопотать о разрешении мне свидания с Александром Степановичем, а он — писать мне. Его письма резко отличались от писем других «женихов»... Гриневский писал бодро и остроумно. Письма его меня очень заинтересовали».

Так продолжалось несколько месяцев. Наступила весна, зацвела черемуха, дни удлинились, а ночи сошли на нет, и тут наконец пришла в конверте с сургучными печатами гербовая бумага.

«От департамента полиции объявляется... Александру Степановичу Гриневскому, что по рассмотрению в Особом совещании... господин министр внутренних дел постановил: выслать Гриневского в отдаленный уезд Тобольской губернии под надзор полиции на четыре года, считая срок с 29 марта 1906 года».

Из Выборгской тюрьмы узника перевели, как водится, в тюрьму пересылочную, и здесь-то Вера и

«ТЮРЕМНЫЙ РОМАН» АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Александр впервые увидели друг друга. Иначе говоря, произошло то, что он назовет потом главным событием своей жизни. Но это — потом. Вначале ни он, ни она не подозревали, чем все завершится. Вера Павловна, во всяком случае, даже не помышляла о возможных последствиях.

«Это свидание с незнакомым человеком, на днях отправляющимся в далекую ссылку, было для меня обычным делом. Я от него ничего не ожидала. Думала, что этим свиданием окончатся наши отношения с Гриневским и другими «женихами». Однако оно кончилось совсем по-иному».

Вера Павловна не описывает внешности своего «нареченного», мимоходом упоминая лишь о «потертой пиджачной тройке и синей косоворотке», но пробел восполнили тайные осведомители, которые, пока неблагонадежный господин шастал на воле, зорко следили за ним. В их донесениях он проходил под кличкой «Невский». «Высокого роста, тонкого сложения, шатен, лицо продолговатое худощавое, нос прямой, рыжеватые коротко остриженные усы...»

Свидание проходило в большой зале, посреди которой лениво расхаживал жирный надзиратель, изнуренные же арестанты сидели вперемежку с посетителями на длинных деревянных скамьях вдоль стен.

Но вот время истекло, раздался резкий звонок, от которого все разом встрепенулись и начали подыматься. Надзиратель подстегивал взглядом. «И тут, когда я подала Александру Степановичу руку на прощание, он притянул меня к себе и крепко поцеловал».

От неожиданности молодая женщина потеряла дар речи. Она, конечно, была золотой медалисткой, она прекрасно разбиралась в тригонометрии и законах физики, она без робости входила в светлые переполненные аудитории и мрачные тюремные казематы, но сейчас испытала нечто вроде шока.

«До тех пор никто из мужчин, кроме отца и дяди, меня не целовал; поцелуй Гриневского был огромной дерзостью, но вместе с тем и ошеломляющей новостью, событием».

О том, что событие это показало ей оскорбительным или хотя бы неприятным, Вера Павловна не говорит ни слова.

Через три дня эшелон с арестованными отправлялся из Петербурга. «Невеста», как и положено невесте, явилась с узелком на Николаевский вокзал, но перрон был оцеплен полицейскими. «К поезду никого из провожающих не пускали, и я передала чайник, кружку и провизию через «сочувствующего» железнодорожника».

Поверх вокзального гомона протянулся паровозный гудок, состав тронулся, и она, наугад помавав вслед платочком, с чувством исполненного долга — но не без грусти! — отправилась восвояси, уверенная, что не только никогда больше не увидит арестанта Гриневского, но и не услышит о нем.

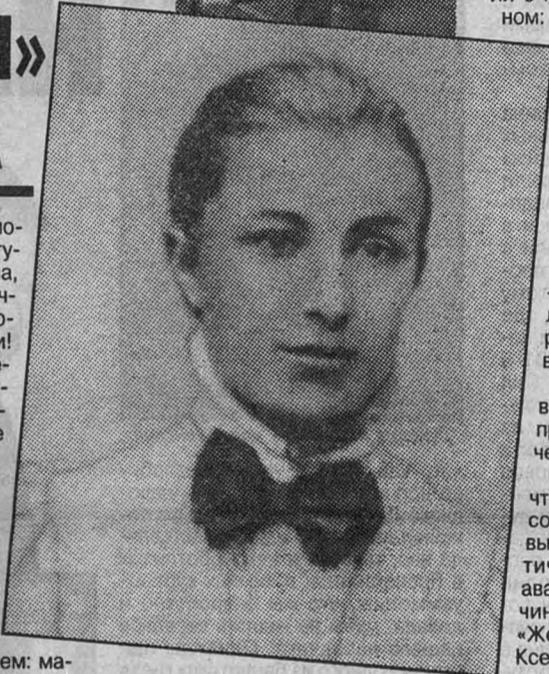
Ан нет! Не прошло и двух недель, как ей вручили письмо. Вряд ли будет преувеличением сказать, что это было самое удивительное письмо в ее жизни. Единственная фраза сохранилась в нем: «Я хочу, чтобы вы стали для меня всем: матерью, сестрой и женой».

И женой! Обратного адреса не было, но, как ни странно, от недавней уверенности, что она никогда больше не увидит арестанта Гриневского, не осталось и следа. Безотчетно ждала она — сама не зная чего — и заранее волновалась. С тем и уехала с семьей из пыльного жаркого Петербурга на дачу, но частенько навещалась в город по делам, забегала домой и здесь-то, на площадке их четвертого этажа, увидела в один прекрасный день сидящего как ни в чем не бывало арестанта Гриневского.

Бывшего арестанта... Бывшего ссыльного... Бывшего! Лишь несколько дней провел в предписанном ему отдаленном уезде Тобольской губернии, потом, сговорившись с двумя товарищами, напоил исправника и бежал. Во-первых, принялся он сбивчиво объяснять, соскучился по свободе, а во-вторых... Или даже, поправился он, не во-вторых, а во-первых: хотел увидеть ее. Не мог без нее... Та написанная в письме фраза — про жену, мать и сестру в одном лице — была не просто фразой, отнюдь! Вот он перед ней, живое тому доказательство.

Как реагировала на все это золотая медалистка, барышня с безупречной репутацией, дочь законопослушного чиновника? А вот как: «Слушая рассказ Александра Степановича, я думала: «Вот и определилась моя судьба: она связана с жизнью этого человека. Разве можно оставить его теперь без поддержки? Ведь из-за меня он сделался нелегальным».

Говоря о нелегальности, она имела в виду проживание по чужому паспорту, но была и еще одна нелегальность. Дело в том, что скрываться приходилось не только от властей, но и от бдительного отца Веры Павловны, который категорически возражал против каких бы то ни было отношений его дочери с находящимся в бегах мазури-

ком, к тому же человеком без определенных занятий. Ибо писание рассказчиков — разве это занятие для мужчины!

Так или иначе, но жить вместе не представлялось возможным. Делать нечего, встречались украдкой. Летом 1907 года семья Абрамовых снимала дачу на берегу живописного озера (и местечко соответственно называлось Озерки), господин же с паспортом на имя Мальгинова поселился неподалеку. Утром Верочка садилась в лодку, переплывала, умело гребя, на другой берег, и там он уже ждал ее под кустом ракиты.

А когда закончился дачный сезон и переехали в город? Тогда Верочка Абрамова наперекор воле отца стала открыто жить со своим избранником. «Мы с Александром Степановичем решили снять квартиру неподалеку от моей работы, на 11-й линии Васильевского острова» (в то время Вера Павловна работала в Геологическом институте). Гнев отца был страшен и, слышав, не прошел бесследно. «С тех пор он в течение трех лет не обмолвился и словом об Александре Степановиче и никогда не спросил, как мне живется. Я стала действительно отрезанным ломтем, как он и предсказывал».

А спустя эти три года полиция накрыла-таки беглеца. Произошло это летом 1910 года.

«27-го минувшего июля, в Петербурге по 6-й линии Васильевского острова, дом 1, кв.33, арестован неизвестный, проживающий по чужому паспорту на имя личного почетного гражданина Алексея Алексеевича Мальгинова, — гласит сохранившееся в архиве официальное донесение. — Задержанный при допросе в Охранном отделении показал, что в действительности он есть Александр Степанович Гриневский, скрывшийся с места высылки из Тобольской губернии».

Веры Павловны в это время не было в Петербурге — она, с моло-

дых лет маявшаяся сердцем, лечилась в Кисловодске, — а вернувшись, с ужасом узнала, что ее муж в тюрьме.

Не муж... В том-то и дело, что не муж, не официальный муж, но, находясь в Доме предварительного заключения, Грин сразу же написал прошение с просьбой разрешить ему венчаться с В.П.Абрамовой.

После долгих мытарств, после бесконечных и унижительных хождений молодой женщины по инстанциям ходатайство удовлетворили.

Жених в церковь прибыл под конвоем. А 31 октября все того же 1910 года отправился в арестантском вагоне к месту своей новой ссылки, в Архангельскую губернию. В соседнем же вагоне — вагоне первого класса — ехала, теперь уже в качестве законной жены, его верная подруга.

Ссылка продолжалась почти два года. Сперва это был относительно небольшой, городского типа поселок Пинега, затем село Кегостров. Спустя сорок с лишним лет старожилы Севера вспоминали о когда-то безвестном ссылкеном: «Александр Степанович был высоким худым молодым человеком, с желтоватым цветом лица... Вера Павловна — красивая молодая женщина, всегда подтянутая и молчаливая».

Оставил воспоминания о тех днях и сам Александр Степанович, правда, в беллетристической форме. «Наша жизнь на Кегострове, — подсказывает Вера Павловна, — описана Грином в рассказе «Ксения Турпанова».

Рассказ «Ксения Турпанова» — произведение весьма примечательное. И — пророческое.

Примечательно оно тем, что в отличие от большинства сочинений Грина здесь нет ни вымышленных стран, ни экзотически звучащих имен, ни авантюрного сюжета. Все начинается буднично и просто. «Жена ссыльного Турпанова, Ксения, оделась в полутемной прихожей, тихонько отворила дверь в кладовую, взяла корзину и, думая, что двигается неслышно, направилась к выходу».

Пока что всего-навсего в город отправляется она, за покупками, но заканчивается рассказ тем, что Ксения уходит от мужа. Это-то и было пусть невольным, но пророчеством.

Сбылось оно вскоре после возвращения супругов в Петербург. «Грину нужна была очень сильная рука, а у меня такой руки не было», — объясняет их разрыв Вера Павловна.

Ее новым мужем стал геолог Казимир Петрович Калицкий. А спустя несколько лет, в 1921 году, женился и Грин. Его вторая жена, Нина Николаевна, пережила супруга на без малого сорок лет и тоже оставила воспоминания. Описывая жилище своего тогда еще будущего мужа, она — внимание! — упоминает «большой портрет Веры Павловны (стоит в три четверти, заложив руки за спину) в широкой светло-серой багетовой раме», а также по-хозяйски расположившиеся «две фотографии Веры Павловны в детстве и юности».

Ладно, это еще холостяцкая берлога, но вот молодожены сняли комнату — первую свою комнату — и переехали в нее. «Наш багаж был ничтожен, — пишет Нина Николаевна и перечисляет: — Связка рукописей, портрет Веры Павловны, несколько ее девичьих фотографий».

Выходит, и после второй своей женитьбы не расстался с той, кто подарила ему встречу, ставшую, по собственному его словам, главным событием его жизни.

Многие гриновские рассказы заканчиваются словами: «Они жили долго и умерли в один день». Грин, конечно, был фантазером и мечтателем, но, может быть, слова эти и не такая уж фантазия?

Руслан КИРЕЕВ.